

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ

DOI 10.15826/izv2.2019.21.2.035
УДК 811.161.1'246.2 + 811.512.155'246.2

З. И. Резанова

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет*
Томск, Россия

А. В. Дыбо

1) Институт языкознания РАН
Москва, Россия

*2) Национальный исследовательский
Томский государственный университет*
Томск, Россия

ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В РЕЧЕВЫХ ПРАКТИКАХ ШОРСКО-РУССКИХ БИЛИНГВОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ*

Цель авторов статьи — представить результаты анализа отклонений от речевого стандарта (ОРС) на фонетическом, морфолого-синтаксическом и лексическом уровнях в коммуникативных практиках билингвов на примере одного из вариантов этноязыкового контактирования — шорско-русского билингвизма. Выводы базируются на данных полевых записей речи билингвов и являются результатом разработки системы аннотирования (*error annotation*) в Корпусе русской речи тюркско-русских билингвов Южной Сибири. Характеризуются внутриязыковые (взаимодействие форм национального языка, письменного и устного модусов коммуникации) и межъязыковые (интерферентное воздействие материнских тюркских языков) источники влияний на русскую речь билингва. В статье обосновывается использование в качестве речевого стандарта норм русской литературной письменной речи, а также источников (в том числе теоретических), на основе анализа которых делается заключение о характере влияний, порождающих ОРС. Отмечается регулярность шорско-русских интерферентных

* Исследование выполнено в рамках проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур», поддержанного грантом Правительства РФ, проект № 14.Y26.31.0014.

явлений в речи представителей всех трех возрастных категорий, диалектных влияний – в коммуникации респондентов старше 65 лет. При исследовании были последовательно применены социолингвистический анализ языковой ситуации, социолингвистическое и языковое (ориентированное на представление языкового опыта билингов) портретирование билингов, тексты которых анализируются, проведенное на основе стандартных и адаптированных анкет. Заключение о типе ОРС делалось на основе данных о нормах русского литературного языка, о вариантах их реализации в письменной и устной спонтанной коммуникации, о своеобразии норм территориальных и социальных вариантов русского языка в местах проживания респондентов, о системных особенностях шорского языка.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русский язык; шорско-русский билингвизм; отклонение от речевого стандарта; внутриязыковая интерференция; межъязыковая интерференция; сибирские говоры; тюркские языки Южной Сибири.

Ц и т и р о в а н и е: Резанова З. И., Дыбо А. В. Языковое взаимодействие в речевых практиках шорско-русских билингов Южной Сибири // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 2 (187). С. 195–211.

Поступила в редакцию 03.03.2019

Принята к печати 18.04.2019

Zoya I. Rezanova

*National Research Tomsk State University
Tomsk, Russia*

Anna V. Dybo

*1) Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia*

*2) National Research Tomsk State University
Tomsk, Russia*

LANGUAGE INTERACTION IN SHOR-RUSSIAN BILINGUALS' SPEECH IN SOUTHERN SIBERIA

The authors aim at presenting the results of their analysis of deviations from the speech norm (DSN) at the phonetic, morphological-syntactic and lexical levels in the speech of bilinguals in one special case of ethno-linguistic contacting, i.e. Shor-Russian bilingualism. The conclusions are based on the data of field recordings of bilingual speech and result from a newly developed annotation system (*error annotation*) in the Russian Speech Corpus of Russian-Turkic bilinguals in Southern Siberia. The authors find and characterise intralingual (interaction of the national language forms, written and oral communication modes) and cross-language (influence of the native Turkic languages) sources of influences on the Russian speech of bilinguals. The article substantiates the use of the norms of Russian literary writing as a speech standard, methods of analysis and literature (including theoretical works), the analysis of which makes it possible to conclude about the nature of the influences generating DSN. The regularity

of the Shor-Russian interfering phenomena is noted in the speech of speakers of all the three age categories under consideration, while dialectal influences are recorded in the communication of respondents over 65 years of age. The study comprises a sociolinguistic analysis of the linguistic situation, a sociolinguistic and linguistic (focusing on the presentation of bilingual language experience) portrayal of bilinguals whose texts are analysed using standard and adapted questionnaires, consistently applied. The conclusion about a DSN type is made using the data on the norms of the Russian literary language, on variants of their implementation in written and oral spontaneous communication, on the peculiarity of the norms of territorial and social variants of the Russian language in the places of residence of the respondents and using the data on regular structures of the Shor language.

Key words: Russian language; Shor-Russian bilingualism; deviation from the speech norm; intralingual transfer; cross-language interference; Siberian dialects; Turkic languages of Southern Siberia.

Acknowledgements

The work is part of project “Linguistic and Ethno-cultural Diversity of Southern Siberia in the Synchrony and Diachrony: The Interaction of Languages and Cultures,” supported by grant of the Government of the Russian Federation 14.Y26.31.0014.

Citation: Rezanova, Z. I., & Dybo, A. V. (2019). Iazykovoje vzaimodejstvie v rechevykh praktikakh shorsko-russkikh bilingvov Juzhnoi Sibiri [Language Interaction in Shor-Russian Bilinguals' Speech in Southern Siberia]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 2 (187), 195–211.

Submitted on 03 March, 2019

Accepted on 18 April, 2019

Исследование процессов современной языковой динамики, в значительной степени являющихся результатом межъязыкового взаимодействия на территории Российской Федерации, становится все более актуальной задачей вследствие интенсивных социальных процессов, стимулирующих языковые изменения. В статье представлены результаты анализа одного из видов взаимодействия языков и культур Южной Сибири. Исследование активных процессов в современных фонетических, морфологических и лексико-семантических системах тюркских, тунгусо-маньчжурских и уральских языков, распространенных в Южной Сибири и прилегающих регионах, было дополнено изучением взаимодействия данных языков с русским языком, являющимся макропосредником общения в регионе. Данный аспект контактирования языков и культур анализируется в проекте на материале тюркско-русского взаимодействия.

Актуальность обращения к проблеме влияния материнских языков на речевые практики русскоязычных билингвов определяется тем, что русский как государственный язык Российской Федерации, оказывая значительное влияние на развитие других функционирующих на ее территории языков, сам испытывает их разнонаправленное воздействие, проявляющееся в речевых практиках билингвов с разными вариантами материнских языков. Значимость же

обращения к исследованию тюркско-русского взаимодействия определяется широтой распространения данного типа языкового контактирования в РФ.

Для решения данной задачи в проекте используются корпусные технологии, технологии баз данных и экспериментальные методы исследования [Резанова, Некрасова, Миклашевский], позволяющие соотнести: текстовые показатели языковой интерференции; проявления взаимовлияния перцептивных основ формирования семантики и грамматических структур вступающих во взаимодействие языков; когнитивные механизмы взаимодействия языков в процессах порождения и восприятия речи билингов, являющихся представителями различных социокультурных типов носителей языка и психолингвистических типов билингвизма.

В данной статье представлены выводы, базирующиеся на результатах корпусного исследования, проведенного на созданном в рамках проекта корпусе текстов тюркско-русских билингов Южной Сибири [Резанова]. Корпус создавался по полевым записям устной речи; в настоящее время база данных включает более 350 часов звучания. В данной статье анализируются речевые практики носителей шорско-русского билингвизма, в качестве материала используются записи устной речи, сделанные в г. Шерегеш и Таштагол, пос. Большая Суета Кемеровской области. Общая длительность звучания — 23 часа, длина текстов — более 160 000 словоупотреблений. Возрастной диапазон — от 21 года до 80 лет.

Анализ проекций социолингвистической ситуации в языковом сознании билинга на основе анкетирования (использовались языковая анкета билинга и социолингвистическая анкета) показал, что существенные черты использования двух языков в разных коммуникативных ситуациях и варианты эмоционального переживания взаимодействия языков билингвами значительно разнятся в возрастных группах респондентов, противопоставленных по социальному и языковому опыту. Выделяются возрастные группы: первая — до 35 лет, вторая — от 35 до 65 лет, третья — от 65 лет [Резанова, Темникова, Некрасова]. В статье мы ориентируемся на проведенное членение и проследим, коррелирует ли данное противопоставление с особенностями речевых практик респондентов трех групп. В нашем корпусе доминируют записи речи представителей второй и третьей возрастной групп, что в определенной степени отражает языковую ситуацию в регионе, характеризующуюся стремительным убыванием естественного тюркско-русского билингвизма с материнским шорским языком в первой группе.

Одна из основных задач корпуса — зафиксировать отклонения от речевого стандарта (ОРС), обусловленные влиянием родных тюркских языков на речевые практики русскоговорящих билингов. При постановке этой задачи возникла необходимость предварительного решения вопроса о точке отсчета в анализе, о типе речевого стандарта, относительно которого фиксируются отклонения в корпусе. Сложность определения стандарта и выработки системы маркирования отклонений от него определяется тем, что исходной установкой авторов проекта является широкое истолкование билингвизма, привлечение в качестве

информантов носителей тюркско-русского билингвизма различных социальных групп, с вариантными типами владения первым и вторым языком в анализируемых языковых парах. Корпус представляет собой собрание записей устной речи, в то время как автоматическая морфологически разметка MyStem, использованная авторами проекта, базируется на стандарте, отраженном в Грамматическом словаре русского языка А. А. Зализняка [Зализняк], который фиксировал нормы русской литературной письменной речи. Вследствие этого часть ОРС интерпретируется как детерминируемая нормами устной спонтанной коммуникации. При том, что основная целевая направленность корпуса — фиксация интерферентных межъязыковых влияний, аннотирование таких ОРС в речи билингва повышает источниковедческие возможности формируемого корпуса.

При оценке влияния законов устной спонтанной речи на ОРС в речи билингвов мы ориентировались на описание принципов построения русской разговорной речи, представленной в работах коллектива авторов под руководством Е. А. Земской в серии работ: [Земская, Китайгородская, Ширяев; Русская разговорная речь; Русская разговорная речь. Фонетика; Разновидности городской устной речи; и др.], а также на работы, зафиксировавшие особенности разговорной речи с маркированием региональных компонентов [Живая речь уральского города] и др.

Анализ записи устной речи шорско-русских билингвов выявляет типичные, по-видимому, для русской разговорной речи вообще, признаки: а) неканоническая «аллегроя» фонетика: *Я [с'одн'и] там сидела... я не хочу такой [п'иис'ят] тысяч гроб, все же там сгниет* (З. М., 79, 3, н)¹; б) нарушения порядка слов, парцелляция: *Он хорошо знал свой казахский, я знаю. Сестра, мы ездили в Казахстан, и он с ними прекрасно разговаривал* (З. И., 62, 2, с-с); в) оговорки, самоисправление, перестраивание речи «на ходу» и пр.: *Я... папа или мама напоёт мелодию, я села подобрала* (З. И., 62, 2, с-с); г) слова-средства ритмической организации речи: *У них шалашы. Ага, шалашы были. Мы, грыт, дом, грыт, костер делали, костер делали, от укрывались, грыт, вот этой медвежьей шкурой, лосиной* (В. С., 79, 3, н-с); *Я учил казахский, шорский я как бы, ну, я там, как бы бытовые слова я знал, как бы, ну, и в речи я особо не использовал* (Т. Э., 30, 1, в).

Данные особенности, с одной стороны, предопределяются базовыми характеристиками спонтанной коммуникации, с другой стороны, качественная и количественная вариативность проявляется прежде всего как индивидуализирующая речевая особенность. Яркой чертой вариативности,

¹ Здесь и далее фрагменты речи приводятся из базы данных корпуса текстов тюркско-русских билингвов Южной Сибири, хранящейся в Лаборатории лингвистической антропологии ТГУ. Вследствие обязательств о конфиденциальности информации, имена респондентов не приводятся. В корпусе информация хранится под кодовыми обозначениями, пользователю корпуса будут доступны только социолингвистически и психолингвистически релевантные характеристики информанта, личная идентификация недоступна. В данной статье контекст сопровождается инициальным идентификатором; фиксируется возраст на время записи; отнесенность к группе (1, 2, 3); образование (н — начальное, с — среднее, н-с — неполное среднее; с-с — среднее специальное, в — высшее).

например, является использование конкретного языкового средства, служащего ритмической организации (например, у одного информанта в качестве ритмического организатора речи выступает частица *это / это*, у другого — *ну*, у третьего — *этот вот*; и т. д.); интенсивность его использования (например, в записи диалога объемом в 89 033 словоупотребления дискурсивный маркер *этот вот* информантом (Г. М., 59, 2, с) использован 208 раз, маркер *это / это* в диалоге объемом 10 389 словоупотреблений был использован информантом (С. Г., 45, 2, в) 37 раз). В целом, по нашим наблюдениям, вариативность обусловлена личным речевым опытом информантов, однако, например, появление *как бы* в речи информантов первой группы и отсутствие данного дискурсивного элемента в речи всех представителей двух других групп может быть неслучайным, отражать бóльшую открытость к речевым новациям русского языка на современном этапе в речи молодежи.

Отметив данный тип ОРС, основное внимание уделяем соотношению вариантов отклонений, вызванных влияниями стилистических и территориальных форм русского языка и контактирующих тюркских языков.

Как было отмечено, носители билингвизма принадлежат к разным возрастным группам, имеют разное образование и социальный статус, вследствие чего в их речи обнаруживаются в большей или меньшей степени свидетельства влияния диалектно-просторечной, просторечной региональной разновидности русского языка.

При определении влияний русских сибирских диалектов и просторечия, являющихся средой языкового существования информантов, авторы проекта опирались на имеющиеся описания дифференциальных признаков данных форм русского языка. Наиболее изученными в регионе являются среднеобские говоры (полная библиография описаний содержится в [Труды Томской диалектологической школы; Томская диалектологическая школа]). Наиболее полное описание среднеобских говоров содержится в двухтомной коллективной монографии, объединяющей результаты исследований коллектива сибирских диалектологов и зафиксировавшей становление и состояние среднеобских говоров до 60–80-х гг. XX в. [Русские говоры Среднего Приобья, ч. 1; ч. 2]. Отмечаемые системные особенности среднеобских говоров более подробно описаны в ряде монографических исследований О. И. Блиновой, О. И. Гордеевой, О. Н. Киселевой, Т. А. Демешкиной, Н. Б. Лебедевой, Е. М. Пантелеевой, З. И. Резановой, О. М. Соколова, Е. А. Юриной, М. Н. Янценецкой и др. В качестве источников данных о диалектных особенностях привлекались также исследования говоров Кузбасса, являющихся также говорами вторичного образования и характеризующихся рядом общих черт со среднеобскими [Васильев, Васильева; Любимова; Пантелеева; и др.]. В ряде работ характеризуются системные особенности томского городского просторечия, а также моменты проницаемости просторечной и диалектной, просторечной и литературной подсистем в речевых практиках жителей региона [Банкова; Блинова; Быкова; Вьюкова; и др.]; эти данные также использовались в процессе интерпретаций речевого материала. Отмечаемые

нами черты говоров вторичного образования не являются при этом исключительной принадлежностью сибирского диалектного ландшафта, будучи прослеживаемы и на территории первичного заселения, в европейской части России, что дает основания предполагать, что они перенесены в Сибирь оттуда (анализ соотношения влияний севернорусских, среднерусских и южнорусских влияний при формировании сибирских народных говоров анализируемого региона представлен в [Русские говоры Среднего Приобья, ч. 1, с. 37–51], ср. также представление о «досибирских» лексических особенностях в сибирских говорах, развиваемое в [Аникин, с. 10]).

Приведем примеры отклонения от речевого стандарта в речи тюркских билингвов, интерпретируемые нами как отражение диалектных и диалектно-просторечных влияний. Как показал анализ, отдельные диалектные черты, детально описанные в работах по среднеобским говорам, проявляются в речи жителей не только Томска и Томской области, но и городов Таштагол, Шерегеш и близлежащих сел, что является одним из свидетельств интенсивных процессов взаимодействия форм национального языка, обусловленных социальной и территориальной мобильностью сибиряков. С другой стороны, следует отметить, что выявленные особенности диалектных систем проявляются несистемно, преимущественно в речи информантов третьей возрастной группы, характеризуются значительным варьированием и в речи информантов одной возрастной группы. Кроме того, как показал анализ, чаще всего диалектные варианты используются говорящим наряду с литературным стандартом, соотношение конкурирующих вариантов может варьироваться в значительной степени.

К числу диалектных лексико-фонетических и морфолого-фонетических особенностей относим чёканье: *Ну, в ад попадешь, чё там увидишь? Там много нельзя, а на чё жить? Што кушать-то?* (Л. В., 71, 3, с). Данная черта проявляется как яркий регионализм, объединяя носителей диалектов, просторечия и литературных форм [Русские говоры Среднего Приобья, ч. 1, с. 171]. Отмечена в речи всех информантов, большинство из которых используют [ЧО] и [ШТО] в качестве вариантов (см. приведенный контекст, в котором сталкиваются два варианта).

Следующие явления, отмечаемые как диалектные, проявляются нерегулярно и преимущественно в речи информантов третьей возрастной группы:

1) *j* протетическое перед [Э]: *Поэтому всяких туда* (З. М., 79, 3, н); *И нация наша теряется поэтому, свою же нацию берет, если женится* (Л. Т., 79, 3, н); может быть охарактеризовано как явление лексикализованное и неустойчивое, ср: *По западно-европейским представлениям у шорцев является многобожие, но я это не считаю, что это многобожие, дух — это дух, но не бох* (С. Г., 45, 2, в);

2) выпадение [В] в начале слов перед [О] также представлено только как лексикализованное явление, используемое наряду с литературным вариантом: *А потом от я одна осталась* (З. М., 79, 3, н); *У нас от учителя хороши были* (В. С., 79, 3, н-с). Довольно часто также сталкиваемся с выпадением приставки или предлога В в случае, если в речи он образует начальный кластер: *Мы двоём с дедом; родилась тридцать девятом году;*

3) наличие твердых долгих [ш:] и [ж:], реализуемых либо как самостоятельные фонемы, либо как лексико-фонетическое явление [Русские говоры Среднего Приобья, ч. 1, с. 102–103]: *Потом, грит, ишишо нарвите* (З. М., 79, 3, н); *Надо подишитать* (В. С., 79, 3, н-с);

4) регрессивная ассимиляция БМ → ММ и выпадение [В] в интервокальном положении [Русские говоры Среднего Приобья, ч. 1, с. 95, 96]: *Они мне оманули; Я откуда узнала, что племянница меня оманывает; хТаня 90 лет, слау богу, эта хоть кой-чѐ видит, издалека маленечко* (З. М., 79, 3, н).

Из числа диалектных различий в области морфологии, отмечаемых в средне-обских говорах [Русские говоры Среднего Приобья, ч. 1, с. 144–202], наибольшей регулярностью проявления в речи представителей второй и третьей возрастной групп отличаются:

1) стяженные формы флексий имен прилагательных и спрягаемых форм глагола настоящего времени: *Много, гыт, шорска блюда готовили, перво место, гыт, заняли* (З. М., 79, 3, н); *Ну, шорска свадьба — это той. Крошится и этот вот мелко, а потом это стряпашь большие вареники, один-два съешь и все, мне одной хватает вот* (Г. М., 59, 2, с); *Потом раз, раз буквы вот знашь, как правильно надо ударение или чѐ там* (П. Н., 65, 3, с);

2) вариантные возвратные формы глагола с СБ/СЯ: *Даже у меня вот сестренки родилися попозже меня, я старалася с ними по-русски, чтобы они знали русский язык* (С. О., 79, 3, н).

Следующие варианты диалектных особенностей в области морфологии², ряд из которых характерен также для городского просторечия, проявляется в речи респондентов со значительно меньшей регулярностью и преимущественно в речи представителей третьей возрастной группы:

1) склонение неизменяемых существительных³: *У них, у шорцев, было вот такие осенние польты: Польты таки, досюдова так обряд кругом идет и низ* (В. С., 79, 3, н-с);

2) использование единственного числа вместо *pluralia tantum*: *...раньше же все чернилой писали мы... Если разбавленный мед, то чернила сразу разводятся. Вот я здесь сколь покупала, оно сразу разводится низ* (В. С., 79, 3, н-с)⁴;

3) специфические формы множественного числа наименований по родству: *Вот знаете, дед, бабушка рассказывала, как ихные зятевья подслушивали пустой дом* (В. С., 79, 3, н-с);

4) мена предлога ИЗ на С в родительном падеже: *Ну, если с деревни кто вот приехал, всегда по-шорскому* (П. Н., 65, 3, с-с); *Нет, это мама ворованная, с другого поселка* (Р. С., 67, 3, в);

² См. соответствующие разделы в [Русские говоры Среднего Приобья, ч. 1, с. 148, 150, 165, 169].

³ Как отмечается в [Русские говоры Среднего Приобья, ч. 1, с. 148], в говорах заимствованные несклоняемые существительные склоняются: *нет пал'та, кина, по радиу говорят, по пальту ползет, муж в кине работает*.

⁴ Ср. *сливка* 'молочный продукт, сливки' (Сиб., Перм., Арх., Волог.) [СРНГ, вып. 38, с. 277].

5) вариантные падежные формы местоимений *они / оне, меня / мене: А от чистые кахасы, оне сказали Матор, поселок* (В. С., 79, 3, н-с); *Мне не давали... Если б дали, у мене бы были; Я говорю, у мене там все русские, я говорю* (З. М., 79, 3, н);

6) переход в твердый вариант форм дательного падежа ([Е] → [О]) в парадигме притяжательных и определительных местоимений *мой, твой, свой: Аньке своей бабушкина квартира* (З. М., 79, 3, н).

Назовем диалектные варианты в словообразовании:

1) прилагательные на *-ный*: *Вот это соседна правнучка Дашечка квартира* (З. М., 79, 3, н);

2) местоименные наречия *откудова, отсюдова: Польшты таки, досюдова, так обряд кругом идет и низ* (В. С., 79, 3, н-с);

3) диминутивы на *-ушк-*: *Нам платюшки столько принесла, на донушко камушки положит* (В. С., 79, 3, н-с);

4) другие межсистемные словообразовательные варианты; существительные: *Да он инспектором по пчеловоду ездил; Ну, ты мне, на меня посмотри, я ли колдовка или шаманка* (В. С., 79, 3, н-с); глаголы: *Сегодня ночью маленечко дремнула* (З. М., 79, 3, н).

В области лексики отмечаем следующие явления:

1) диалектные межсистемные синонимы: *Другой раз (иногда) то ли тоже забывает, что уже говорила, повторяет опять; Ну, не знаю, я всю дорогу (все время) по-шорски говорит* (З. М., 79, 3, н); *Нет, бабушка обряд (наряд) никогда не делала* (В. С., 79, 3, н-с);

2) лексико-фразеологические диалектизмы: система конструкций, выражающая отрицание возможности осуществления события, утвердительные или вопросительные конструкции: *кого там; откуда, какой + инфинитив глагола; откуда + глагол в спрягаемой форме: Кого там спать? 'невозможно было спать'; А мама долго не жила. Откуда долго будет жить? 'невозможно было долго жить'* (В. С., 79, 3, н-с).

Третья группа отклонений от речевого стандарта в речи билингвов, выделяемая в корпусе, — отклонения, вызванные интерферентным влиянием родного, шорского языка.

При определении данного типа отклонений от речевого стандарта мы опираемся на работы по фонетике, грамматике, лексике тюркских языков, в том числе шорского [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции; Дыренкова; Чиспияков; Чиспияков, Абдрахманов; собственные экспедиционные материалы по шорским говорам; и др.], на работы, посвященные описанию конкретных явлений интерференции в условиях тюркско-русского взаимодействия в исследуемом регионе [Гордеева, 1962а; 1962б; 1965а; 1965б; Абдрахманов; Абдрахманов, Гордеева].

Охарактеризуем отдельные речевые особенности носителей шорско-русского билингвизма, которые могут быть интерпретированы как проявления интерферентного влияния родного языка.

К сфере фонетики относим отклонения от норм произношения, обусловленных фонетическими законами как русского литературного языка, так и сибирских народных говоров. Так, например, в среднеобских говорах, как и в литературном языке, для согласных Н и Н', Г и Г' позиция перед гласными (кроме [Е]) является абсолютно сильной, в речи шорско-русских билингвов мы наблюдаем позиционно необусловленные мены, связанные с рядностью слова (для шорского нехарактерно противопоставление твердого и смягченного Н, Г; смягченные и несмягченные варианты распределены в зависимости от, соответственно, переднего и заднего ряда гласных в слове): а) Н' → Н: *Я говорю, я сначала здесь угощу; вот это сами [съчина]ют и эта и поют*; б) Г' → Г: *Мне сильно плохо было, [гьт'и'ртан'иia]* (З. М., 79, 3, н).

В говорах, как и в литературном языке, позиция перед гласными и сонорными является абсолютно сильной для парных по глухости-звонкости фонем. В шорском языке для ряда взрывных фонем отсутствует оппозиция по звонкости / глухости, имеется распределение: в начале слова — глухой аллофон, в интервокальной — звонкий. Соответственно, в анлауте в речи билингвов отмечается произношение глухих на месте звонких: *Не пуговицы, а как [прОшк'и] (брошки) такие, белые, разны рисуночками их шили; туда бабушка ложила [тушн'Ич'ку] (душиничку), но здесь [тушыстый] (душистый) перец я только ложу, и соли побольше* (В. С., 79, 3, н-с).

Еще одна интересная особенность речи шорских билингвов — замены [К]/[X]: *Хто зайдет, ладно; А теперь я никто, здесь, я только плачу* (З. М., 79,3, н); *Но мы [т'екн'ика] безопасности по два раза сдавали; Есть вот, например, кахас приехал, всегда по-шорскому* (П. Н., 65, 3, с-с). В говорах шорского языка, распространенных в районе Шерегеша и Таштагола, обнаружилась аллофония *q* перед гласным ~ *x* перед взрывным согласным в заднерядных словах и исключительно *k* в переднерядных словах, ср. Верхний Карагол: *шық* 'выходи', *шыхпа* 'не выходи', *шыхча* 'выходит', *тук* 'шерсть', *сөктер* 'кости'. Слабая противопоставленность [К] и [X], [Г] и [X], следствием чего являются замены [К]/[X], [Г]/[X], отмечается и для русских говоров этой территории [Русские говоры Среднего Приобья, ч. 1, с. 107], так что можно было бы относить эту черту на счет русского диалектного влияния; но известно, что на территории старого заселения это явление отмечается достаточно узко и только в сторону мены *k* > *x* [Образование севернорусского наречия..., с. 247]. Исходя из этого, естественно предположить, что «слабая противопоставленность» заднеязычного взрывного и спيرانта была, наоборот, индуцирована в среднеобских говорах тюркским субстратом.

В области вокализма можно отметить сильную, вплоть до выпадения, редукцию узких гласных Ы и И в первом слоге: *А брат в јул'и [июле] погиб; Мски [город Мыски];* ср. шор. (Шерегеш) *краа* 'иней' (< *қыраа*), *пле* 'точило' (< *тиле*).

В сфере морфологии можно отметить следующие интерферентные явления.

1. В тюркских языках, и в шорском в частности, отсутствует категория грамматического рода, а также какое бы то ни было согласование определения с определяемым. Соответственно, естественными следствиями шорского влияния на русскую речь билингвов являются ошибки в согласовании: *Я сделала тут такой яма; вот так говорю: красивый и хороший ограда сделай, кто будет ходить-то, смотреть, красивый или какая* (З. М., 79, 3, н).

2. Категория рода в среднеобских говорах является трехчленной, разрушения категории рода не наблюдается. Однако выделяется замкнутая группа существительных с диалектными родовыми признаками: так, словами мужского рода являются *берлог, клиник, крылец, мыш, облак, полотенец, полуклиник, яблоч*; женского рода — *насморка, овоща, организма, свитра, тигра* и др.; среднего рода: *коноплё, фамилиё* [Русские говоры Среднего Приобья, ч. 1, с. 144–147]. По-видимому, случаи мены рода у существительных в речи билингвов, определяемые по согласованию с предикатом, типа *От этот раз у нас землетрясения была*, следует квалифицировать как влияние русского говора. С другой стороны, хотя диалектные расхождения по роду существительных наблюдаются и на территории первичного расселения, значительный объем таких расхождений в среднеобских говорах может быть связан с субстратным влиянием: усваиваемая носителями тюркских языков категория рода в русском языке не опиралась на соответствующую категоризацию в родном языке билингва.

3. Грамматическая категория числа в тюркских языках наличествует, однако система функционирования и взаимодействия с другими грамматическими категориями отличается от соответствующей в русском языке. Число — не обязательно выражаемая категория; единственное число является немаркированным для тюркских языков, соответственно, практически всегда, когда выражение количества не попадает в фокус высказывания, употребляется форма единственного, а не множественного числа. Можно было бы ожидать, таким образом, от русской речи билингвов, что, например, при числительных будут встречаться случаи употребления единственного числа (как **три дом, *двадцать лошадь*). И действительно, такие случаи в нашем материале встречаются, хотя и редко: *После него у нас пять священник поменяли* (З. М., 79, 3, н).

4. Падеж существительного. В русском и тюркских языках категория падежа представлена, но характеризуется существенными различиями в формально-семантической структуре, системе оппозиций частных грамматических значений. Тюркский падеж, как и число, не является обязательно выражаемой категорией. «Именительный падеж», т. е. наименее маркированный падеж назывной формы и субъекта, — это форма имени без окончания. Эта же форма употребляется при большинстве послелогов; в качестве неконкретно-референтного приименного определения (*таш үй* ‘каменный дом’, *таш* ‘камень’), неопределенного прямого объекта (*ол палық қарбақтанча* ‘он рыбу удит’, *палық* ‘рыба’); в функции конечного пункта при глаголах движения. Соответственно, в речи билингвов мы находим употребления русского именительного падежа:

а) в локативной конструкции при предлоге (видимо, по аналогии с тюркской послеложной конструкцией): *А потом я в санаторий была и разговариваем, мы когда в детство, у нас там в Александровка одни только русские* (З. М., 79, 3, н);

б) в позиции прямого объекта, в том числе в отрицательных предложениях: *Где-то рябчик купили, таймень купили и хайрюзов купили и ну, их надо как-то знать надо, как готовить; они пока эта ссуда не уплотят никогда квартиру не вернут; У меня голос нету щас, голос нету; А водка не пьешь, уже не то* (З. М., 79, 3, н);

в) в позиции приименного определения, в том числе в количественной конструкции: *Много, гыт, шорска блюда готовили, перво место, гыт, заняли* (З. М., 79, 3, н);

г) в функции цели при глаголах движения: конструкции В + вин. пад., К + дат. пад. → им. пад.: *А школа придем — пилили. Это геологоразведка замуж вышла, а там пекарь как загуляет; потом батюшка как подойдёшь* (В. С., 79, 3, н-с).

Предлоги ~ послелоги. Для тюркских, строго «левоветвящих» языков предлоги не характерны; в аналогичной функции в них выступают послелоги. В принципе, отсутствием предлогов в исходном языке можно было бы объяснять и уже упоминавшееся выше опущение в речи билингвов предлога в конструкциях, выражающих местоположение, направление движения, временные отношения:

а) конструкции В + предл. пад. → предл. пад.: *А дед успел, потом поселке сказал, они ночью все стаскали; Они предки тоже Таштаголе* (В. С., 79, 3, н-с);

б) конструкции В + вин. пад. → вин. пад.: *А потом Таштагол в милицию звонит* (З. М., 79, 3, н); *Есть девочки, которые шесть лет пришли, и самые старшие у меня шестнадцать лет пришли, шестнадцатилетние девочки* (З. И., 62, 2, с-с); *Он тридцать третьем году поехал в Москву, когда школу закрыли* (В. С., 79, 3, н-с).

Однако, тот факт, что встретились случаи опущения только предлога В и только перед словом, начинающимся на согласную, склоняет нас скорее к объяснению через влияние русской диалектной фонетики (см. выше).

Лексика. Наиболее заметными проявлениями интерференции на лексическом уровне являются заимствования, которые довольно часто рефлексированы в данном статусе носителями тюркско-русского билингвизма: *...самое главное слово это ырыс счастье. Ырыстных — это счастливый, ырыстыхчи — осчастливленный* (И. А., 54, 2, с-с); *Пельмени, вот эта на ребрах называется сало, по-шорски — каза; Я в шорских чирках что ли ехать? Я же чирки носила. Так обутки называют; Да ешиш вот это рачку [араку, самогон] нагонят* (В. С., 79, 3, н-с). Такое употребление шорской лексики равно характерно для билингвов всех трех выделяемых нами групп.

Таким образом, в разговорной речи шорско-русских билингвов Таштагольского района, кроме общерусских явлений, характерных для разговорной речи, обнаруживается еще интерференция с русскими говорами среднеобского типа и — по ряду признаков (фонетических, морфологических, синтаксических и лексических) — влияние исходного шорского языка в его диалектной форме. Более того, материал позволяет предполагать субстратное тюркское происхождение

для некоторых явлений, ранее отмечавшихся как характерные для среднеобских говоров. При этом русские диалектные черты отмечаются почти исключительно в речи носителей старшей группы (третьей, старше 65 лет; это соответствует и возрастным группам носителей русского языка, в речи которых еще можно обнаружить диалектные явления); фонетические явления, обусловленные шорской интерференцией, — также в ней; морфологические, синтаксические и лексические интерферентные явления характерны для представителей всех трех возрастных категорий. В целом можно говорить о перманентно развивающейся ситуации языкового сдвига на обследуемой — и, вероятно, более широкой — территории.

Источники

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965—. Вып. 1—.

Исследования

Абдрахманов М. А. К вопросу о закономерностях диалектноязыкового смешения (на материале тюркского говора дер. Эушта Томского района) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1960.

Абдрахманов М. А., Гордеева О. И. О взаимодействии русских говоров и языка томских татар // Учен. зап. Том. гос. ун-та. 1962. № 43. С. 181–188.

Аникин А. Е. Три пути русских за Урал: свидетельства языка // Сиб. филол. журн. 2007. Вып. 1. С. 70–76.

Банкова Т. Б. Лексика томского городского просторечия (типология описания) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1987.

Блинова О. И. Просторечная лексика в системе местного диалекта // Лексикологический сборник / [отв. ред. Л. М. Аржаных]. Барнаул : БГПИ, 1977. С. 68–83.

Быкова А. И. Просторечная лексика в идиолексиконе сибирского старожила // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики. Вып. 5. Ч. 2 : Лингвистика. Томск : ТГУ, 2004. С. 21–23.

Васильев В. П., Васильева Э. В. Лексика русских говоров Кузбасса: Материалы для словаря // Вопросы филологии. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1994. С. 97–101.

Вьюкова Е. В. Местные диалекты как источник пополнения словарного состава современного русского литературного языка (40–80-е гг. 20 в.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1985.

Гордеева О. И. Некоторые наблюдения над усвоением русского языка татарами в условиях русского старожильческого окружения // Учен. зап. Том. гос. ун-та. 1962а. № 40. С. 75–80.

Гордеева О. И. Об освоении татарами грамматической категории рода существительных в условиях русского старожильческого окружения // Лингвистический сборник / [ред. доц. В. В. Палагина]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1962б. С. 29–34.

Гордеева О. И. Некоторые закономерности влияния родного языка на усваиваемый язык в процессе становления двуязычия (на материале русского и татарского сибирских говоров) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1965а.

Гордеева О. И. Некоторые особенности употребления имен прилагательных в русской речи томских татар // Вопросы литературы и языка : сб. аспирант. ст. / [ред. доц. Ф. З. Канунова]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1965б. С. 120–126.

Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1941.

Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы : хрестоматия / [сост. И. В. Шалина]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М. : Аст-пресс, 2008.

Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М. : Наука, 1981.

Любимова О. А. История и современное состояние мунгатского говора (фонетико-морфологический очерк) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1969.

Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров : По материалам лингвистической географии / отв. ред. д-р филол. наук В. Г. Орлова. М. : Наука, 1970.

Пантелеева Е. М. К вопросу о синонимике предложных конструкций по материалам говоров Кемеровской области // Учен. зап. Том. ун-та. 1963. № 47. С. 75–85.

Разновидности городской устной речи / отв. ред. Е. А. Земская. М. : Наука, 1988.

Резанова З. И. Подкорпус устной речи русско-тюркских билингвов Южной Сибири: типологически релевантные признаки // Вопр. лексикографии. 2017. № 11. С. 105–118.

Резанова З. И., Некрасова Е. Д., Миклашевский А. А. Исследование психолингвистических и когнитивных аспектов языкового контактирования в проекте «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» // Русин. 2018. № 2 (52). С. 107–117.

Резанова З. И., Темникова И. Г., Некрасова Е. Д. Динамика социолингвистических процессов в Южной Сибири в зеркале билингвизма (шорско-русское и татарско-русское языковое взаимодействие) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. № 436. С. 56–68.

Русская разговорная речь / отв. ред. Е. А. Земская. М. : Наука, 1973.

Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / отв. ред. Е. А. Земская. М. : Наука, 1983.

Русская разговорная речь: Тексты / отв. ред. Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе. М. : Наука, 1978.

Русские говоры Среднего Приобья. Ч. 1 / под ред. В. В. Палагиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984.

Русские говоры Среднего Приобья. Ч. 2 / под ред. В. В. Палагиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1989.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / [Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова, И. Г. Добродомов и др.] ; отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука, 2001.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / [Э. Р. Тенишев, В. Д. Аракин, Г. Ф. Благова и др.] ; отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука, 1988.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / [Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова, Э. А. Грунина и др.]. М. : Наука, 2002.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика / [Э. Р. Тенишев, Л. С. Левитская, Л. А. Покровская и др.]. М. : Наука, 1984.

Томская диалектологическая школа : историогр. очерк / [Т. Б. Банкова и др.] ; под ред. О. И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006.

Труды Томской диалектологической школы : библиогр. указ. / под ред. О. И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003.

Чистяков Э. Ф. К вопросу о формировании диалектной системы шорского языка // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири : сб. науч. тр. / [редкол.: А. И. Мартынов (отв. ред.) и др.]. Кемерово : КемГУ, 1986. С. 55–62

Чистяков Э. Ф., Абдрахманов М. А. Территориальные различия в фонетике и лексике шорского языка // Материалы к предстоящей VIII научной конференции Новокузнецкого пединститута. Новокузнецк : Новокузнецкий пед. ун-т, 1967. С. 28–30.

References

Abdrahmanov, M. A. (1960). *K voprosu o zakonornostyah dialektnoyazykovogo smesheniya (na materiale tyurkского govora der. Ehushta Tomского rajona)* [On the Question about the Patterns

of Dialect-language Intermixing (with Reference to the Turkic Dialect of the Village of Eushta, Tomsk Region)] (doctoral dissertation). Tomsk State University, Tomsk. (In Russian)

Abdrahmanov, M. A., & Gordeeva, O. I. (1962). O vzaimodejstvii russkikh govorov i yazyka tomских татар [On the Interaction of the Russian Dialects and the Language of Tomsk Tatars]. *Uchyonye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 43, 181–188. (In Russian)

Anikin, A. E. (2007). Tri puti russkikh za Ural: svidetel'stva iazyka [Three Ways of Russians beyond the Urals: Evidence of the Language]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal*, 1, 70–76. (In Russian)

Bankova, T. B. (1987). *Leksika tomского городского просторечия (tipologiya opisaniya)* [The Vocabulary of the Tomsk Vernacular (Description Typology)] (doctoral dissertation). Tomsk State University, Tomsk. (In Russian)

Blinova, O. I. (1977). Prostorechnaya leksika v sisteme mestnogo dialekta [Colloquial Vocabulary in the System of the Local Dialect]. In L. M. Arzhanykh (Ed.), *Leksikologicheskij sbornik* [Lexicological Collection] (pp. 68–83). Barnaul: BGPI. (In Russian)

Blinova, O. I. (Ed.). (2003). *Trudy Tomskoj dialektologicheskoy shkoly: bibliograficheskij ukazatel'* [Proceedings of the Tomsk Dialectological School: Bibliography]. Tomsk: Tomsk University Press. (In Russian)

Blinova, O. I. (Ed.). (2006). *Tomskaya dialektologicheskaya shkola: istoriograficheskij ocherk* [Tomsk Dialectological School: Historiographic Essay]. Tomsk: Tomsk University Press. (In Russian)

Bykova, A. I. (2004). Prostorechnaya leksika v idioleksikone sibirskogo starozhila [The Colloquial Vocabulary of the Siberian Old Inhabitant's Idiolexicon]. In *Aktual'nyie problemy lingvistik, literaturovedeniya i zhurnalistiki* [Relevant Issues of Linguistics, Literary Criticism, and Journalism] (Iss. 5, Pt. 2: Lingvistika [Linguistics], pp. 21–23). Tomsk: TGU. (In Russian)

Chispiyakov, Eh. F. (1986). K voprosu o formirovanii dialektnoj sistemy shorskogo yazyka [On the Issue of Formation of the Dialectal System of the Shor Language]. In A. I. Martynov et al. (Eds.), *Problemy ehtnogeneza i ehtnicheskoy istorii aborigenov Sibiri* [Issues of the Ethnogenesis and Ethnic History of the Aborigines of Siberia] (pp. 55–62). Kemerovo: KemGU. (In Russian)

Chispiyakov, Eh. F., & Abdrahmanov, M. A. (1967) Territorial'nye razlichiya v fonetike i leksike shorskogo yazyka [Territorial Differences in the Phonetics and Vocabulary of the Shor Language]. In *Materialy k predstoyashchej VIII nauchnoj konferencii Novokuznetskogo pedinstituta* [Materials for the Forthcoming 8th Scholarly Conference of Novokuznetsk Pedagogical Institute] (pp. 28–30). Novokuznetsk: Novokuznetsk Pedagogical University. (In Russian)

Dyrenkova, N. P. (1941). *Grammatika shorskogo yazyka* [Shor Grammar]. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR. (In Russian)

Gordeeva, O. I. (1962a). Nekotorye nablyudeniya nad usvoeniem russkogo yazyka tatarami v usloviyah russkogo starozhil'cheskogo okruzheniya [Some Observations on the Assimilation of the Russian Language by the Tatars in the Conditions of the Old Inhabitant Russian Environment]. *Uchyonye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 40, 75–80. (In Russian)

Gordeeva, O. I. (1962b). Ob osvoenii tatarami grammaticheskoy kategorii roda sushchestvitel'nykh v usloviyakh russkogo starozhil'cheskogo okruzheniya [On the Acquisition by the Tatars of the Grammatical Category of Nouns in the Context of the Old Inhabitant Russian Environment]. In V. V. Palagina (Ed.), *Lingvisticheskij sbornik* [Linguistic Collection] (pp. 29–34). Tomsk: Tomsk University Press. (In Russian)

Gordeeva, O. I. (1965a). Nekotorye osobennosti upotrebleniya imyon prilagatel'nykh v russkoj rechi tomских татар [Some Features of the Use of Adjectives in the Russian Language of Tomsk Tatars]. In F. Z. Kanunova (Ed.), *Voprosy literatury i yazyka* [Issues of Literature and Language] (pp. 120–126). Tomsk: Tomsk University Press. (In Russian)

Gordeeva, O. I. (1965b). *Nekotorye zakonomernosti vliyaniya rodnogo yazyka na usvaivajemyj yazyk v processe stanovleniya dvuyazychiya (na materiale russkogo i tatarskogo sibirskikh govorov)* [Some Regularities of the Influence of the Native Language on the Learned Language in the Process of the Formation of Bilingualism (with Reference to the Russian and Tatar Siberian Dialects)] (doctoral dissertation). Tomsk State University, Tomsk. (In Russian)

Lyubimova, O. A. (1969). *Istoriya i sovremennoe sostoyanie mungatskogo govora (fonetiko-morfologicheskij ocherk)* [The History and Current State of the Munghat Dialect (Phonetic-morphological Essay)] (doctoral dissertation). Tomsk State University, Tomsk. (In Russian)

Orlova, V. G. (Ed.). (1970). *Obrazovanie severnorusskogo narechiya i srednerusskikh govorov: Po materialam lingvisticheskoy geografii* [The Formation of the Northern Russian Dialect and Central Russian Dialects: With Reference to the Materials of Linguistic Geography]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Palagina, V. V. (Ed.). (1984). *Russkie govory srednego Priob'ya* [The Russian Dialects of the Middle Ob] (Pt. 1). Tomsk: Tomsk University Press. (In Russian)

Palagina, V. V. (Ed.). (1989). *Russkie govory srednego Priob'ya* [The Russian Dialects of the Middle Ob] (Pt. 2). Tomsk: Tomsk University Press. (In Russian)

Panteleeva, E. M. (1963). K voprosu o sinonimike predloznykh konstrukcij po materialam govorov Kemerovskoj oblasti [On the Issue of Synonyms of Prepositional Constructions with Reference to the Materials of the Kemerovo Region Dialects]. *Uchyonye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 47, 75–85. (In Russian)

Rezanova, Z. I. (2017). Podkorpus ustnoj rechi russko-tyurkskikh bilingvov Yuzhnoj Sibiri: tipologicheski relevantnye priznaki [Subcorpus of Oral Speech of Russian-Turkic Bilinguals of Southern Siberia: Typologically Relevant Signs]. *Voprosy leksikografii*, 11, 105–118. <http://doi.org/10.17223/22274200/11/7> (In Russian)

Rezanova, Z. I., Nekrasova, E. D., & Miklashevsky, A. A. (2018). Issledovanie psiholingvisticheskikh i kognitivnykh aspektov yazykovogo kontaktirovaniya v proekte “Yazykovoe i ehtnokul'turnoe raznoobrazie Yuzhnoj Sibiri v sinhronii i diahronii: vzaimodejstvie yazykov i kul'tur” [The Study of the Psycho-linguistic and Cognitive Aspects of Language Contacting in the Project “Linguistic and Ethnocultural Diversity of Southern Siberia in Synchrony and Diachrony: Interaction of Languages and Cultures”]. *Rusin*, 2 (52), 107–117. <http://doi.org/10.17223/18572685/52/8> (In Russian)

Rezanova, Z. I., Temnikova, I. G., & Nekrasova, E. D. (2018). Dinamika sociolingvisticheskikh processov v Yuzhnoj Sibiri v zerkale bilingvizma (russko-shorskoe i russko-tatarskoe yazykovoe vzaimodejstvie) [Dynamics of Sociolinguistic Processes in Southern Siberia Mirrored in Bilingualism (Russian-Shor and Russian-Tatar Language Interaction)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 436, 56–68. <http://doi.org/10.17223/15617793/436/7> (In Russian)

Shalina, I. V. (Ed.). (2011). *Zhivaya rech' ural'skogo goroda. Ustnye dialogi i ehpistoлярnye obrazy: khrestomatiya* [The Living Speech of the Ural City. Oral Dialogues and Epistolary Samples]. Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Tenishev, Eh. R., Arakin, V. D., Blagova, G. F. et al. (1988). *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Morfologiya* [A Comparative Grammar of the Turkic Languages. Morphology]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Tenishev, Eh. R., Blagova, G. F., Dobrodomov, I. G. et al. (2001). *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika* [A Comparative Grammar of the Turkic Languages. Vocabulary]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Tenishev, Eh. R., Blagova, G. F., Grunina, Eh. A. et al. (2002). *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Regional'nye rekonstruktsii* [A Comparative Grammar of the Turkic Languages. Regional Reconstruction]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Tenishev, Eh. R., Levitskaya, L. S., Pokrovskaya, L. A. et al. (1984). *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Fonetika* [A Comparative Grammar of the Turkic Languages. Phonetics]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Vasilyev, V. P., & Vasilyeva, E. V. (1994). Leksika russkikh govorov Kuzbassa: Materialy dlya slovarya [The Vocabulary of the Russian Kuzbass Dialects: Materials for the Dictionary]. In *Voprosy filologii* [Philology Issues] (pp. 97–101). Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. (In Russian)

Vjyukova, E. V. (1985). *Mestnye dialekty kak istochnik popolneniya slovarnogo sostava sovremennoego russkogo literaturnogo yazyka (40–80-e gg. 20 v.)* [Local Dialects as a Source for Replenishing

the Vocabulary of the Modern Russian Literary Language (1940s–1980s)]. Tomsk State University, Tomsk. (In Russian)

Zaliznyak, A. A. (2008). *Grammaticheskij slovar' russkogo yazyka. Slovoizmenenie* [Grammar Dictionary of the Russian Language. Inflection]. Moscow: Ast-press. (In Russian)

Zemskaya, E. A., & Kapanadze, L. A. (Eds.). (1978). *Russkaya razgovornaya rech': Teksty* [Russian Spoken Language. Texts]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Zemskaya, E. A., Kitajgorodskaya, M. V., & Shiryaev, E. N. (1981). *Russkaya razgovornaya rech'. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian Colloquial Speech. General Issues. Word Formation. Syntax]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Zemskaya, E. A. (Ed.). (1973). *Russkaya razgovornaya rech'* [Russian Spoken Language]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Zemskaya, E. A. (Ed.). (1983). *Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian Spoken Language. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Zemskaya, E. A. (Ed.). (1988). *Raznovidnosti gorodskoj ustnoj rechi* [Varieties of Urban Spoken Language]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Резанова Зоя Ивановна

доктор филологических наук, заведующая кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии, заместитель заведующего Лабораторией лингвистической антропологии Национальный исследовательский Томский государственный университет 634050, Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: rezanovazi@mail.ru

Дыбо Анна Владимировна

доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, заведующая отделом урало-алтайских исследований Институт языкознания РАН 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1/12
заведующая Лабораторией лингвистической антропологии Национальный исследовательский Томский государственный университет 634050, Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: adybo@mail.ru

Rezanova, Zoya Ivanovna

Dr. Hab. (Philology), Head of the Department of General Linguistics, Slavic-Russian Linguistics and Classic Philology, Deputy Head of the Laboratory of Linguistic Anthropology
National Research Tomsk State University
36, Lenin Ave., 634050 Tomsk, Russia
Email: rezanovazi@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0550-991X
Researcher ID: N-9023-2014
Scopus ID: 56896043500

Dybo, Anna Vladimirovna

Dr. Hab. (Philology), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of the Ural-Altai Studies Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
1/12, Bolshoy Kislovsky ln., 125009 Moscow, Russia
Head of the Laboratory of Linguistic Anthropology
National Research Tomsk State University
36, Lenin Ave., 634050 Tomsk, Russia
Email: adybo@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6077-7183
Researcher ID: F-8623-2016
Scopus ID: 53363351600